
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 340.14

DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(2).5-15

ДУХ ПРАВА И БУКВА ЗАКОНА: ХАРАКТЕР СООТНОШЕНИЯ

В.В. Сорокин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

12 октября 2020 г.

Дата принятия в печать –

15 марта 2021 г.

Дата онлайн-размещения –

25 июня 2021 г.

Ключевые слова

Право, дух права, буква закона, формализм, апологетика права, дуализм, конституционная юстиция

Категории «дух права» и «буква закона» исследуются в их нормативном значении. Обосновывается фундаментальность понятия «дух права» для методологии правовых исследований, правосознания и механизма правового регулирования. Отмечается, что дуализм духа права и буквы закона заключается в несовпадении их природы. Дух права выражает идеи, принципы, символы и ценности, способные быть регулятивными, тогда как буква закона есть совокупность документально выраженных норм, которые обладают конститутивной сущностью. Дух права составляет коренную основу правового сознания общества. В праве, как и в искусстве, воздействующем на сознание и поведение человека, главное – его дух, смысл и образ: только тогда форма права приобретает полноту и целостность своих функциональных характеристик.

THE SPIRIT OF THE LAW VERSUS THE LETTER OF THE LAW: THE NATURE OF CORRELATION

Vitaly V. Sorokin

Altai State University, Barnaul, Russia

Article info

Received –

2020 October 12

Accepted –

2021 March 15

Available online –

2021 June 25

Keywords

Law, spirit of law, letter of law, formalism, apologetics of law, dualism, constitutional justice

The subject of the research is the categories “the spirit of the law” and “the letter of the law” in their regulatory sense.

The purpose of the research is to confirm or disprove hypothesis that the concept of “the spirit of the law” fundamentally impacts the methodology of legal research, legal consciousness and the mechanism of legal regulation.

The methodology for researching the spirit of the law presupposes an adequate selection of means of knowledge. It is impossible to study the spirit of the law with the tools of materialism or economic determinism. The spiritual-moral, axiological, metaphysical, systemic methods and the method of synthesis are preferred for the study of the spirit of the law. The legal system of society ceases to meet the elementary requirements of the formation of a person’s legal consciousness, his improvement and spiritual health when the spirit of the law is denied. It is generally impossible to understand how law functions and achieves a regulatory effect using the dogmatic, positivist approach to law as a dominant method of cognition.

The main results, scope of application. The problem of the operation of the spirit of the law is one of the ignored problems of legal practice. If the legal act is at odds with the spirit of the law, the law enforcer faces a difficult choice: either morality or law. This dilemma is fraught with serious conflicts both in the mental, psychological sphere of the law enforcement officer himself, and between all participants in the legal process. Every person has an internal imbalance if he makes decisions and performs actions that are contrary to his conscience. Jurisprudence, which adequately perceives the subordination between the spirit of the law and the letter of the law, warns against the temptation to consider law as a sphere independent of spiritual absolutes. The current law is not exactly what is set out in the texts of regulatory acts. Distinguishing between the spirit of the law and the letter of the law, therefore, requires special types of interpretation of texts (broad, restrictive), as well as analogies of legislation and analogies of law.

Conclusions. Ultimately, the research perspective we have chosen allows us to understand not only the real anthropological meaning of law, but also to adequately assess the meaning of all legal phenomena associated with spiritual and moral discourse. We must always remember that our main concern is people when we are engaged in state development, contributing to the self-organization of society. This orientation is teleological and not deterministic; creative and not naturalistic; value and not formalist it determines the nature of the Russian legal system.

The spirit of the law is the absolute beginning of the law, the criterion of truth, goodness and beauty in the legal sphere. The spirit of the law represents divine energy and subordinates to it the originality of national legal consciousness. The spirit of the law is present in all legal phenomena and processes and is embodied in meaning-generating and meaningful revelations, the religiosity of a person, his mind, legal worldview, principles, conscience, legal intuition and other forms of direct communication with God. The spirit of the law is objectified in such phenomena that do not at all require formal legal consolidation in the letter of the law.

The regulation of the law has limited capabilities because of virtue of its rational and state nature. While the regulation of the spirit of the law is much richer in content and value of social energy, since the higher authorities of the spirit take part in the formation of real legal decisions. There are a number of relations that are not regulated by means of the letter of the law, but at the same time are regulated by the spirit of the law and have legal expression and dimension. Thus, the letter of the law is only one of the aspects of the implementation of the spirit of the law.

1. Введение

Примечательно, что даже в советские времена в пору воинствующего атеизма юристы активно пользовались в своей деятельности понятием «дух права». В этом заключалась необходимость, очевидная для всех.

Юристы не имели возможности разрешать споры о праве, руководствуясь исключительно буквой закона. В жизни всегда есть ситуации, не урегулированные законом, сколь бы обильным ни было законодательство. Апелляция к принципам права и правовым ценностям, а также процесс толкования права неизбежно предполагают отступление от буквы закона в пользу духа права.

Стремление правоприменителей к познанию духа права всегда означало стремление к правде, тягу к справедливым решениям, поиск истины по делу. Всех при этом посещала догадка, что истина, правда и справедливость только в поверхностной степени запечатлеваются буквой закона. И если ставку делать на формальное следование букве закона, возможно игнорирование важнейших обстоятельств жизни, а значит – вынесение неправоудного решения. За понятием «дух права» все это время скрывался вполне реальный феномен, игно-

рировать который в правовой действительности было невозможно.

Вызывает удивление и тот факт, что востребованное юридической практикой понятие «дух права» никогда не было предметом специального монографического исследования. Даже статей на эту тему нет ни одной.

А между тем это фундаментальная проблема юриспруденции, которая имеет не только теоретическое, но и ключевое практическое значение. Без правильного понимания роли и места духа права по отношению к букве закона мы не сумеем обеспечить правовой порядок, не умиротворим общество, правильно не ориентируем правоохранительные органы.

Примерно с 2010 г. государственная власть России обратилась к риторике духовно-нравственного воспитания граждан. Федеральный закон «Об образовании» одним из первых отметил важность изучения основ духовно-нравственной культуры народов России¹. Региональные власти, судя по законодательству субъектов Федерации, тоже осознали свою миссию в данном направлении деятельности. Так, в Липецкой области появился закон, ставящий вопрос о «Духовно-нравственном и патриотическом воспи-

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства. 2013. № 1. Ст. 1254.

тании жителей области»². В Алтайском крае приняли закон «Об охране общественной нравственности»³. Закон Краснодарского края упоминает «Меры по содействию физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей»⁴. На подзаконном уровне выходило распоряжение губернатора Новосибирской области, посвященное формированию условий для развития духовности, высокой культуры и нравственного здоровья населения Новосибирской области⁵. Правительство Ростовской области выпустило Постановление от 15 ноября 2012 г. № 1018 «Об утверждении Концепции духовно-нравственного и патриотического воспитания обучающихся в образовательных учреждениях Ростовской области с кадетским и казачьим компонентом» (в нем отражены «миссия, идеология, сущность и особенности духовно-нравственного и патриотического воспитания в субъектах кадетского (казачьего) образования на территории Ростовской области»)⁶.

Часть научного сообщества России еще скептически воспринимает аргументацию, далекую от нормативизма, но расширяется круг ученых, которым духовно-нравственная проблематика права представляется самой важной [1–5]. А.И. Косарев написал в своей монографии: «Основания подъема российской экономики также лежат в духовно-нравственной сфере» [6, с. 233]. В работах Н.С. Малеина находим следующий тезис: «Человек вправе требовать удовлетворения тех законных интересов, которые не обеспечены непосредственно правовыми формами реализации и защиты, но вытекают из духа и принципов закона» [7, с. 30].

Дух права выше буквы закона. Данный юридический постулат требует ясности правосознания всех поколений юристов, независимо от их процессуальных ролей и принадлежности к различным школам правопонимания.

У любой правовой системы в мире существует изначальный базисный ориентир, который задает содержание норм права, форму права, виды правоотношений и соответствующие особенности правосознания. Изначальным базисным ориентиром выступает дух права, воспринятый конкретными сообществами юристов, политиков и обывателей. Он выражается в правовых идеалах, принципах права, юридическом стиле, во многих других духовно-нравственных проявлениях. Поэтому совершенно некорректно отождествление правовой культуры с духом права или рассмотрение духа права в качестве выражения культуры. Дух есть базис, основа правовой культуры всякого общества.

Буквально каждое происходящее в рамках правовой системы событие (от принятия нового законодательного акта до выборов власти) демонстрирует первостепенную значимость духа права и невозможность эффективного решения других социальных проблем без преодоления нравственного кризиса общества.

Методология исследования духа права предполагает адекватный подбор средств познания. Нельзя изучать дух права инструментариумом материализма либо экономического детерминизма. Для изучения духа права предпочтительны духовно-нравственный, аксиологический, метафизический, системный методы и метод синтеза.

Ближе всех к духовно-нравственным проблемам юриспруденции в XX веке в своих сочинениях подошел И.А. Ильин. Намеченное им научное направление не могло получить продолжения в советском государстве. К XXI столетию в отечественной юридической науке появились заметные научные работы, в которых право рассматривалось преимущественно как духовное явление. Авторами этих работ выступали В.Н. Синюков [4], О.И. Цыбулевская [8], В.А. Бачинин [1], А.М. Величко [5], Р.С. Байниязов [9], В.А. Томсинов, В.П. Малахов [10], А.А. Тер-Акопов

² Закон Липецкой области от 23 июля 2018 г. № 190-ОЗ «О патриотическом воспитании в Липецкой области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 25.07.2018.

³ Закон Алтайского края от 4 декабря 1995 г. «Об охране общественной нравственности» // Алтайская правда. 1995. 6 декабря.

⁴ Закон Краснодарского края от 30.06.1997 г. «Об охране здоровья населения Краснодарского края» // Кубанские новости. № 197. 21.10.1997.

⁵ Распоряжения губернатора Новосибирской области от 10 июня 2009 г. №150-р «Об утверждении концепции ре-

шения комплексной задачи «Формирование условий для развития духовности, высокой культуры и нравственного здоровья населения Новосибирской области» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/5432887>.

⁶ Постановление правительства Ростовской области от 15 ноября 2012 г. №1018 «Об утверждении Концепции духовно-нравственного и патриотического воспитания обучающихся в образовательных учреждениях Ростовской области с кадетским и казачьим компонентом» // Наше время. № 674-677. 2012. 22 ноября.

[11], И.Д. Мишина, В. Иванов, А. Куприянов, А. Борисов, В. Мельник.

Незадолго перед смертью С.С. Алексеев, длительное время возглавлявший нормативистское направление правопонимания в СССР, опубликовал монографию под названием «Самое святое, что есть у Бога на земле» [12], которую посвятил духовному обоснованию права. В.М. Корельский отметил перспективность данной научной темы. Надо отдать должное Н.И. Матузову, В.В. Лазареву, В.Д. Перевалову, Т.Н. Радько и В.М. Сырых, которые способствовали актуализации духовно-нравственных оснований права. Изучая нравственные основания права, проблему духовности права ставили Г.В. Мальцев и В.Г. Графский.

Тем не менее, правоведы констатируют время от времени неразработанность духовно-нравственных оснований права. Как отмечается А.А. Тер-Акоповым, причинно-следственные связи духовно-нравственного характера, действующие на уровне конкретного человеческого поведения, наукой практически не исследуются, что представляется значительным ее упущением; игнорирование духовно-нравственного детерминизма существенно обедняет общее представление о причинности и ее проявлениях, в частности в уголовном праве, оставляет в тени целый блок вопросов, связанных с противодействием преступности. Вопрос о духовности как причине и ее роли в механизме конкретного поведения, в том числе преступного, не поднимается [11, с. 418].

2. Диалектика духа права и буквы закона

Принцип «не запрещенное законом дозволено» обеспечивает примат буквы закона над духом права. Реализация данного принципа предполагает верховенство закона не только над иными нормативно-правовыми актами, но и над целями и принципами права. Между тем формирование правовых принципов идет не только путем их письменного закрепления в нормах законодательных актов. Принципы права чаще всего открываются учеными-правоведами на основе глубокого изучения разнообразных правовых явлений и процессов. При этом принципы права не выдумываются силой научного интеллекта, а открываются учеными как объективные закономерности существования и функционирования правовой системы, коды ее потенциального развития.

При отрицании духа права правовая система общества перестает отвечать элементарным требованиям формирования правового сознания человека, его совершенствования и духовного здоровья. При господстве догматического, позитивистского

подхода вообще невозможно понять, как право функционирует и достигает регулятивного эффекта.

Нормативистский тип правопонимания социальной силой правотворчества признает государственную власть. Такое отношение к правообразованию исключает из поля зрения дух права. Не случайно нормативизм превратился в идеологию авторитарных режимов. Теория естественного права делает ставку на неотчуждаемые с рождения права человека, которые ему дарованы «природой». Теория естественного права занимается обоснованием прав частных собственников, а дух права для нее остался недостижим. Социологическая теория права расположена к поискам права не в нормах, а в отношениях. В ней, в частности, обсуждается формирование права из судебных прений, но, увы, в споре не всегда рождаются Истина, Любовь и Красота. Для государственных машин безразлично, какие нормы внедрять в жизнь (законодательные либо судебные). Отождествление права с нормами – общая ошибка многих типов правопонимания. Психологическая школа права стремится вывести право из взаимных психологических переживаний людей по поводу объективных обязательств друг перед другом. Но вне духа права психологам не удалось отыскать общую основу для правовых переживаний. В исторической школе права апеллируют к духу народа, но в целом этот подход приземляет значение духа до уровня бытовых обычаев. Суть юридической дискуссии составляет не противостояние школ естественного и позитивного права, а борьба формалистов с правоведами.

Что до сих пор мешает юристам подниматься над буквой закона и познать дух права? Формальный подход.

Во многом это обусловлено тем, что в правоведе сформирована сугубо светская, атеистическая традиция, отягощенная государственноцентристской правовой политикой. В таких условиях государство предстает уверенным в своей самодостаточности, но справиться с хаосом нравственного распада общества не может. Ставка на букву закона порождает таких «правоприменителей», которым свойственны формализм, беспринципность, цинизм, карьеризм. Подобное отношение практических работников к своим обязанностям влечет отрыв юридической практики от реальных целей правового регулирования.

Существующее право объявляется замкнутой системой формальных норм, которые исключают соображения, вытекающие непосредственно из существа дела в ходе его рассмотрения и уж тем более оставляют не востребуемыми принципы и цели

права. Действие любой нормы ограничено областью фактов и заведомой фрагментарностью.

Преимущество Конституционного Суда заключается в том, что как таковой этот суд был сконструирован правовой мыслью для примирения буквы закона с духом права. Само устройство этого суда, его юрисдикция предусматривают возможность отмены неправовых законов и подзаконных актов, как нормативных, так и индивидуальных. Практика Конституционного Суда доказала свою приверженность духу права и общеправовым принципам в частности. Конституционный Суд демонстрирует, что не связан с предписаниями писаного законодательства.

Буква закона не самодостаточна, ибо не самоценна. Она предполагает соответствие духу права. Норма права – это правило, которое по своей природе, форме и функциональному значению должно соответствовать духу права, и только поэтому ее необходимо придерживать. Если норма противоречит духу права, она подлежит отмене.

Дуализм духа права и буквы закона заключается в несовпадении их природы. Дух права выражает идеи, принципы, символы и ценности, способные быть регулятивными. Тогда как буква закона есть совокупность документально выраженных норм, которые обладают конститутивной сущностью. На основе и в соответствии с духом права строится система формализованных и официально принятых норм – законодательство.

Форма права не должна поглощать его содержание, уничтожать идею права, а вместе с ними и цель права. Дух права и буква закона в действительности находятся в положении строгой субординации. Инструкции и процедуры призваны способствовать действию духа права, а не душить его. Юридической технике нельзя вступать в конфронтацию с идеей права. Когда буква закона вытесняет собой дух права, букву закона начинают душить юридическая техника и юридическая казуистика.

Разве допустимо высшее сводить к низшему? Конечно, недопустимо. Поэтому юристам нельзя мириться с тем, что всю субстанцию права сводят к его низшему материально-техническому уровню. Положение, при котором юридическая техника определяет собой право, ненормально. Процесс замены права юридической техникой нужно остановить обращением к духу права.

Буква закона необходима, если ей отводить правильное место в иерархии права. С ее помощью общество регулирует направленность поведения людей. Однако правовое поведение людей осу-

ществляется в тех границах, которые задаются системой духовных ценностей.

Апологеты позитивного права (то есть буквы закона) считают любой принятый закон легитимным уже в силу самого его существования. Так, если законодатель готов не считать аборт убийством, аборт не является таковым и формально-юридически. Но в данном случае неоправданным возвышением буквы закона третируется дух права. А низкое и низменное выдается за высокое.

Апологеты буквы закона утверждают, что законной акцией было импортирование негров из Африки в Европу и Америку. Апологеты буквы закона заявляют, что законным был холокост евреев в Европе на основе расистских законов Германии. Апологеты буквы закона считают атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в Японии законным делом, поскольку они осуществлены в строгом соответствии с приказом президента США Г. Трумэна. Самые чудовищные преступления против человечности обычно оправдывают буквой закона, которая действовала на момент бесчеловечных акций.

Рассматривая историю права России, можно заметить, что периоды укрепления и эффективности права приходятся на приближение к духу права. Древняя «Русская Правда», княжеские уставы и уставные грамоты, судные грамоты и судебники, Стоглав и Соборное Уложение 1649 г., петровские артикулы и указы, законодательные акты Екатерины II и Александра I, реформы Александра II и Основные государственные законы 1906 г. являют собой траекторию развертывания духа права в правовой системе России. Так, правопорядок на Руси в течение тысячелетий постепенно развивался и усложнялся лишь вместе с усложнением представлений о духе права и актуализацией духа права.

Любая самая технологичная буква закона не может служить абсолютным и непреходящим мерилom правомерности. Архивы хранят множества отживших, устаревших норм. Буква закона всегда достаточно неопределенна и условна, а значение ее всегда временно и относительно. Ошибочное впечатление в том, что право тоже есть нечто относительное (и по содержанию своему и по обязательности), возникает только из-за торжества буквы закона над духом права.

Нередки противоречия между абстрактностью отдельных предписаний закона и конкретностью регулируемой сферы общественной жизни, где преобладает индивидуальная неповторимость жизненных ситуаций. Данное противоречие зачастую пытаются преодолеть путем принятия новых законов и (или)

конкретизацией общих положений закона в подзаконном нормотворчестве. В результате одна норма плодит еще десятки. Помимо нормативной инфляции проблема состоит еще и в том, что законодательная норма слишком абстрактна, а подзаконная норма слишком казуистична, чтобы нормативное регулирование оказывалось подходящим для общественных отношений. Сфера действия любого нормативного акта предполагает схематизм, который не всегда соотносим с реальностью. Точность и однозначность в дефиниции законодательного акта всегда упрощает и схематизирует многосложные и уникальные отношения, поэтому совсем не гарантирует реализацию истины, но деформирует, подгоняет общественные отношения под составленную законодателем схему.

И казуальная, и абстрактная формы нормативного регулирования в современном обществе достигли такого предела малоэффективности, за которым ощущается объективная потребность в неформальном саморегулировании поведения людей. Переход к такому действенному виду правового воздействия возможен при актуализации духовно-нравственных оснований права.

Важна не только буква закона (формальная сторона права), но и те фундаментальные идеи и принципы, которые определяют мировоззренческую, аксиологическую, целевую и иную направленность правового регулирования.

Нормативные предписания сами по себе всего лишь инструмент. Они не создают сами себя, они – производное культурно-исторических форм. За ними должны стоять духовно-нравственные ценности конкретной традиции, иначе они становятся инструментами произвола, а не основой справедливого порядка. Без высшей нравственности и любви буква закона восстает против своего творца – человека – и уничтожает его. Юризм представляет собой один из вариантов технократического общества, когда технология выступает в роли панацеи.

Заметим, что деятельность Конституционного Суда как высшей судебной инстанции порождается противоречиями между духом права и буквой закона.

Еще в Древнем Риме юристы задумывались о соответствии духа закона его букве. Уже тогда высказывались идеи о том, что категории «дух» и «буква» закона – категории близкие, но совсем не тождественны с парными категориями формы и содержания, сущности и явления. К сожалению, среди современных авторов есть немало тех, кто проблему качества законов исчерпывает технократическими правилами нормотворчества и юридической техники.

Правоведение, адекватно воспринимающее субординацию между духом права и буквой закона, предостерегает от искушения рассматривать право как сферу, независимую от духовных абсолютов. Действующее право не вполне то, что изложено в текстах нормативных актов [13–18]. Различение духа права и буквы закона поэтому требует особых видов толкования текстов (расширительное, ограничительное), а также аналогии права и аналогии закона.

Примечательно, что русское слово «за-конь» происходит от «конь» – «начало» и «конец», первоначально, вероятно, кол, столб (служащий для различных целей, например, как веха земельного участка или для коновязи). Поэтому слово «закон» у русских мыслилось, прежде всего, именно как «предел», за которым лежит иная сфера жизни или духа. Закон, в национальном правосознании наших предков, – не высшая категория, которой подчинено все лежащее в данной сфере, а лишь некая граница внутри сферы более широкой. Взгляд «с той стороны» этого предела, стремление «взглянуть и оттуда» – вот основная черта этого культурного концепта.

Закон вообще есть правило или совокупность правил, определяющих действие какой-либо силы. Например, механический закон тяжести определяет действие силы тяжести. Юридический закон определяет способ действия духовно-нравственной силы людей. Юридический закон только тогда гармоничен, когда он выражает силу духа права. Это значит, что правовым возможно признавать тот закон, который указывает, как человек должен жить, что он должен делать, чтобы достигнуть своего назначения или цели существования.

Известный труд монаха Иллариона, который условно называется нашими современниками «О законе и благодати» содержит весьма показательные для отечественного правосознания константы. Илларион пишет о различении закона как внешнего установления-предписания, регулирующего насильственными мерами поведение человека в обществе, и истины, выражающейся в высоком нравственном состоянии человека, не нуждающегося в силу духовного совершенства в регулятивной деятельности закона. К тому же очевидны относительность и переменчивость закона [19–23]. Закон определяет внешние поступки людей на той ступени, когда они еще не постигли истину; он дан людям только «на приуготовление к истине и благодати, да в нем обикнет человеческое естество», ибо человечество, как испачканный сосуд, сначала должно быть омыто водою-законом, а затем оно уже станет способным

принять «млеко благодати». «Закон бо предтеча бе и слуга благодати и истине», – пишет монах Илларион [24, с. 39]. В этом состоит древнейшее, согласованное с Традицией представление о соотношении буквы закона и духа права при убедительной аргументации предпочтительности духовных (то есть – религиозно-нравственных) критериев для регулирования поведения и внутреннего мира человека.

В любой европейской культуре понятию «закон» противостоит «беззаконие». Но в русском менталитете «закону» противопоставлено нечто, не скверное, а хорошее, доброе, положительное.

Судебная реформа российского императора Александра II апеллировала к смыслу законодательства, преодолевая примат буквы закона. Так, статья 9 Устава гражданского судопроизводства и статья 12 Устава уголовного судопроизводства вменяли в обязанность судебным органам основывать решения на точном разуме существующих законов, а в случае их неполноты, неясности или противоречия суд должен был основывать решение на общем смысле законов. Следовательно, за судом признавалось не право, а обязанность толковать букву закона в пользу духа права. Суд, который отказывает в приговоре под каким бы то ни было предлогом, подвергается ответственности за отказ от правосудия.

В период становления русской государственности антитеза «буква закона – дух права» была достоянием общественного правосознания. В таких памятниках отечественной мысли, как «Слово о законе и благодати», «Похвала Леонтию», «Житие Симеона», «Чтение о Борисе и Глебе», содержится мысль о преобладании духа над буквой.

Масштабы духа права и буквы закона несоизмеримы. Сколь бы многочисленным не было законодательство, оно не покрывает всех жизненных случаев, а дух права позволяет разрешить любой спор о праве. Законы, не имеющие под собой объективной основы (духа права), подлежат отмене, а их юридическая сила вплоть до отмены оспариваема.

Буква закона выступает организационной формой права. Буква закона не может сдерживать милосердия судьи, прощения потерпевшей стороны. Закон не может закрывать перед преступником путь к исправлению. Значительная группа правоведов в наши дни активно выступает против юридического формализма [25–27].

Е.Н. Дубинина, выразив отрицательное отношение к сплошной юридизации общественных отношений, отметила, что непосредственно во власти государства право находится только в одной своей

форме – нормативных актов [28, с. 10]. Но право превосходит своими объемами нормативный материал. Можно сказать, что даже избыточное количество нормативных актов возможно обозреть, но обозреть право в целом не дано никому. Не случайно поэтому, даже не проговаривая понятие духа права, юристы постоянно апеллируют к нему через расширительное толкование норм, аналогию права, использование правовых принципов и многое другое.

В силу своего рационального и государственного характера регулятивность закона имеет ограниченные возможности, в то время как регулятивность духа права гораздо богаче по содержанию и величине социальной энергии. Существует целый ряд отношений, которые не поддаются регламентации при помощи буквы закона, но в то же время регулируются духом права, имеют правовое выражение и измерение. Таким образом, буква закона есть лишь один из моментов осуществления духа права.

Б.П. Вышеславцев замечал, что закон, пытаясь преодолеть сопротивление личности, исходит из презумпции, что все зло в человеке, а все добро в законе [29, с. 40]. Данное допущение характеризует трагедию закона, который хочет и не может, требует и не выполняет, обещает и не дает.

Отечественный склад мышления ставит человека, человечность и душу выше закона. Не человек для закона, а закон для человека. И когда закон входит в противоречие с человечностью, российское правовое сознание отказывает ему в повиновении. Русские называли свои первые правовые памятники «Русскими Правдами», ибо правда есть другая сторона любви, есть ее защищающая сила.

Закон есть шаблон, а суть права – в живом духе. Современные обыватели живут шаблонами. Для многих они значат больше, чем здравый смысл и личностное совершенство.

Уровень развития духовной жизни людей определяет, какова по характеру правовая действительность в данном обществе. Все писанные законы прошлых времен – срезы особенностей правовой психологии прежних обществ, «археологические пласты» духовности. Правовая реальность позволяет духу права быть творческим началом для субъектов права, влиять на качество правовой культуры общества.

3. Выводы

Развитие видимой правовой реальности может находиться в резком противоречии с одновременным развитием зла в обществе. Традиции права творят не нормативно-правовой акт, а дух права, выражающий реальность права в бытии человека. Дух

права пребывает именно в явлениях надпозитивной природы, и этот дух склонен всякий раз покидать свое даже технически совершенное «тело» при малейшем невнимании и непонимании духовной природы права.

Законы государства могут быть противоречивыми, пробельными, недоступными для понимания, и во всех этих случаях на выручку субъектам права приходит дух права. Дух права вызывает к разумным и целесообразным действиям, а не к беспорядочным метаниям. Он не приемлет всего, что вводит правовое сознание в сумеречное состояние непонимания смыслов сущего и должного.

Дух права составляет коренную основу правового сознания общества. В праве, как и в искусстве, воздействующем на сознание и поведение человека, главное – его дух, смысл и образ: только тогда форма права приобретает полноту и целостность своих функциональных характеристик.

Как известно, в праве форму нельзя отрывать от содержания и сути. Один и тот же дух должен олицетворять материальные и процессуальные законы. Значимость юридического закона зависит от того, насколько в нем выражен универсальный дух права. Дух права априори выше «буквы».

Право невозможно ощутить на предметно-материальном уровне, это возможно только на духовно-психологическом уровне. Вне духовного право уже не есть явление бытия.

Служение юриста есть деятельность по преимуществу в области духа. Насколько юрист имеет в себе духовность и каков характер этой духовности, настолько же он может возбудить ее и в других. Не тот хороший юрист, который отлично изучил теоретические модели правоотношений, но тот, кто в душе своей заранее нашел возможность психологического приложения своих познаний к делу служения, то есть осуществил борьбу зла и добра в собственном духе.

Только через дух право формирует собственное содержание, несводимое к экономическому, политическому, культурному и т. п. Благодаря духу права продуцируется право как таковое. При простом оформлении юридическими средствами политических и экономических явлений возникает лишь внешняя видимость или «кажимость» права.

Дух права невидим. Он может постигаться умом и восприниматься чувствами субъектов права.

Это сила, призывающая правовую систему общества соответствовать Божьим заповедям. Это божественная энергия, которая влечет людей к справедливости, добру и милосердию, от временного к вечному, от любви к твари до любви к Творцу. Дух права, как сила исшедшая от Бога, по закономерности подобия обнаруживается там, где все по-божески получается и в Боге получает покой. Захватить чужое – это по-сатанински, защищать свое – это по-человечески, пожертвовать своим – это по-божески. Свой абсолютный авторитет дух права получает только через соединение с бесконечным, нетварным и неограниченным Богом.

Юрист, познающий букву закона, может быть эрудитом, но поверхностным, к тому же циничным. Юрист, постигающий дух права, имеет возвышенные качества и знает право глубоко. Жажда справедливости и милосердия выражает востребованность духа права. Эта всеобщая жажда подтверждает, что в людях существует сила, требующая своего духовного удовлетворения. Духом называют наивысшее, невещественное начало, посредством которого люди познают Бога. Дух права люди могут осознать через стремление к высшему и совершенному, с которым не сравнится ничто материальное, через совесть. Именно в духе человек получает высшую способность, посредством которой может входить в общение с Богом. Насилие никогда не выражало духа права. Дух права в его абсолютах – это любовь, добро и красота. Там, где проявляется насилие, там нет духа права.

Право до тех пор может выступать как фундаментальный способ бытия человека, пока остается явлением духа в рамках юридической практики.

Понятие «дух права» представляет собой самую главную и важную правовую категорию, с помощью которой юристы получают возможность познать и выстроить нормативную иерархию. Актуализация духа права способствует эффективности законодательства и сокращению его объемов. Регулятивные возможности духа права связаны с механизмом саморегуляции поведения субъектов права. Чем продуктивнее саморегуляция, тем меньше нужды во внешней принудительной силе государства. Дух права открывает перед современными государствами ресурс управления обществом без перепроизводства законов и правоохранительных структур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права / В.А. Бачинин. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. – 1093 с.
2. Мальцев Г.В. Нравственные основания права / Г.В. Мальцев. – М. : Норма, 2011. – 800 с.
3. Медушевская Н.Ф. Поиск духовных оснований права в русской правовой мысли / Н.Ф. Медушевская // История государства и права. – 2007. – № 14. – С. 37–39.
4. Синюков В.Н. Российская правовая система / В.Н. Синюков. – М. : Норма, 2010. – 670 с.
5. Величко А.М. Нравственные и национальные основы права / А.М. Величко. – СПб. : Издательство Юрид. института, 2002. – 156 с.
6. Косарев А.И. История государства и права зарубежных стран : учебник / А.И. Косарев. – М. : ЮРЛИТИНФОРМ, 2012. – 450 с.
7. Малеин Н.С. Охраняемый законом интерес / Н.С. Малеин // Советское государство и право. – 1980. – № 1. – С. 27–34.
8. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права / О.И. Цыбулевская. – Саратов : СГАП, 2004. – 219 с.
9. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России / Р.С. Байниязов. – Саратов : СЮИ МВД России, 2001. – 296 с.
10. Малахов В.П. Концепция философии права / В.П. Малахов. – М. : Юнити-Дана, 2007. – 751 с.
11. Тер-Акопов А.А. Преступления и проблемы нефизической причинности в уголовном праве / А.А. Тер-Акопов. – М. : Юркнига, 2003. – 478 с.
12. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле / С.С. Алексеев. – М. : Норма, 1998. – 409 с.
13. Харт Г. Позитивизм и разграничение права и морали / Г. Харт // Правоведение. – 2005. – № 5. – С. 102–136.
14. Бертель Ж.Л. Общая теория права / Ж.Л. Бертель. – М. : Nota Bene, 2000. – 574 с.
15. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 488 с.
16. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / Л. Дюги. – М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 957 с.
17. Монтескье Ш. О духе законов / Ш. Монтескье. – М. : Мысль, 1999. – 672 с.
18. Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. – М. : Международные отношения, 2004. – 238 с.
19. Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски : монография / Ю.А. Тихомиров. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2015. – 240 с. — DOI: 10.12737/11255.
20. Косарев А.И. Историософия государства и права / А.И. Косарев. – М. : Изд-во СГУ, 2009. – 293 с.
21. Баранов В.М. Критика законодательства: доктрина, практика, техника / В.М. Баранов, П.В. Ремизов. – М. : Проспект, 2018. – 384 с.
22. Бондарь Н. С. Буква и дух российской Конституции: 20-летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2013. – № 11. – С. 5–17.
23. Зорькин В.Д. Право против хаоса / В.Д. Зорькин. – М. : Норма : Инфра-М, 2019. – 368 с.
24. Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона / А.М. Молдован. – Киев : Наукова думка, 1984. – 240 с.
25. Шундииков К.В. Управление и самоорганизация в правовом регулировании / К.В. Шундииков. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 408 с.
26. Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: вопросы теории и истории / А.А. Васильев. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 272 с.
27. Васев И.Н. Обычное право русской крестьянской общины / И.Н. Васев, К.А. Синкин. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 328 с.
28. Дубинина Е.Н. Сущность процесса юридизации отношений современного общества / Е.Н. Дубинина // История государства и права. – 2008. – № 10. – С. 9–11.
29. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса / Б.П. Вышеславцев. – М. : Республика, 1994. – 368 с.

REFERENCES

1. Bachinin V. A. Encyclopedia of Philosophy and Sociology of Law. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2006. 1093 p. (In Russ.).
2. Maltsev G. V. Moral foundations of law. Moscow, Norma Publ., 2011. 800 p. (In Russ.).
3. Medushevskaya N. F. Search for spiritual foundations of law in Russian legal thought. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2007, no. 14, pp. 37-39. (In Russ.).
4. Sinyukov V. N. Russian legal system. Moscow, Norma Publ., 2010. 670 p. (In Russ.).
5. Velichko A.M. Moral and national foundations of law. St. Petersburg, Yurid. Institute Publ., 2002. 156 p. (In Russ.).
6. Kosarev A. I. History of the state and law of foreign countries. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 450 p. (In Russ.).
7. Malein N.S. Interest protected by law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1980, no. 1, pp. 27-34.
8. Tsybulevskaya O. I. Moral foundations of modern Russian law. Saratov: SGAP Publ., 2004. 219 p. (In Russ.).
9. Bayniyazov R. S. Legal consciousness and legal mentality in Russia. Saratov: SUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. 296 p. (In Russ.).
10. Malakhov V. P. The concept of the philosophy of law. Moscow: Yunity-Dana Publ., 2007. 751 p. (In Russ.).
11. Ter-Akopov A. A. Crimes and problems of non-physical causality in criminal law. Moscow, Yurkniga Publ., 2003. 478 p. (In Russ.).
12. Alekseev S. S. The most sacred thing that God has on Earth. Moscow, Norma Publ., 1998. 409 p. (In Russ.).
13. Hart G. Positivism and the separation of law and morals. *Pravovedenie*, 2005, no. 5, pp. 102-136. (In Russ.).
14. Bergel J.-L. General theory of law. Moscow, Nota Bene Publ., 2000. 574 p. (In Russ.).
15. Hegel G. The phenomenology of spirit. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1959. 488 p. (In Russ.).
16. Duguit L. Constitutional law. General theory of the state. Moscow, I. D. Sytin's typography, 1908. 957 p. (In Russ.).
17. Montesquieu Sh. The Spirit of Laws. Moscow, Mysl' Publ., 1999. 672 p. (In Russ.).
18. Radbruch G. Philosophy of Law. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004. 238 p. (In Russ.).
19. Tikhomirov Yu. A. Law: forecasts and risks. Moscow Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2015. 240 p. DOI: www.dx.doi.org/10.12737/11255 (In Russ.).
20. Kosarev A. I. Historiosophy of State and Law. Moscow: SSU Publ., 2009. 293 p. (In Russ.).
21. Baranov V. M., Remizov P. V. Criticism of legislation: doctrine, practice, technique. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 384 p. (In Russ.).
22. Bondar N. S. The letter and the spirit of the Russian Constitution: 20-year experience of harmonization in the light of constitutional justice. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2013, no. 11, pp. 5-17. (In Russ.).
23. Zorkin V. D. Pravo vs chaos. Moscow, Norma: Infra-M Publ., 2019. 368 p. (In Russ.).
24. Moldovan A.M. "The Word about the Law and Grace" of Hilarion. Kiev, Naukova dumka Publ., 1984. 240 p. (In Russ.).
25. Shundikov K. V. Management and self-organization in legal regulation. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 408 p. (In Russ.).
26. Vasiliev A. A. Legal doctrine as a source of law: questions of theory and history. Moscow, Yurlitinform Publ., 2009. 272 p. (In Russ.).
27. Vasev I. N., Sinkin K. A. The customary law of the Russian Peasant community. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 328 p. (In Russ.).
28. Dubinina E. N. The essence of the process of legal relations of modern society. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2008, no. 10, pp. 9-11. (In Russ.).
29. Vysheslavtsev B. P. Ethics of the transfigured eros. Moscow, Respublika Publ., 1994. 368 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокин Виталий Викторович – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права

Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: sorokin.v.v@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1677-8218

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Сорокин В.В. Дух права и буква закона: характер соотношения / В.В. Сорокин // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 5–15. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).5-15.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vitaly V. Sorokin – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; Professor, Department of Theory and History of State and Law
Altai State University

61, Lenina pr., Barnaul, 656049, Russia
E-mail: sorokin.v.v@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1677-8218

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Sorokin V.V. The spirit of the law versus the letter of the law: the nature of correlation. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 5–15. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).5-15. (In Russ.).